

Выстрѣлъ грянулъ, комната наполнилась дымомъ.

Въ эту минуту дверь настежь распахнулась. Вбѣжалъ блѣдный, какъ мертвецъ, Діодоръ; за нимъ мелькнули встревоженные, испуганные лица Антона Кирилыча, Ольги Ивановны и прочихъ домочадцевъ.

Дымъ уже разсѣвался. Володя лежалъ на полу, облитомъ кровью; Лена стояла надъ нимъ еще съ дымящимся револьверомъ въ рукахъ и безмысленно смотрѣла на брата.

— Леночка! Чтò ты надѣлала!—въ отчаяніи крикнулъ Діодоръ, бросаясь къ ней.

— Дядя Додя!—прошептала Лена испуганно, и все лицо ея освѣтилось дѣтской улыбкой, какой она, бывало, смѣялась въ дѣтствѣ.—Дядя Додя... Я за тебя... Онъ тебя выдалъ...

И съ этими словами она сама свалилась на полъ, въ лужу крови.

Тѣмъ же вечеромъ Зюзя, чуть живой пьяный, кричалъ въ кабацкѣ собравшимся около него слушателямъ: „Бдите, говорю вамъ, бдите, ибо не знаете ни дня, ни часа, въ онъ же придетъ страшный Судія! Близокъ день судный,—страшное знаменіе было намъ сегодня... Возстаетъ родъ на родъ, брать на брата, сынъ на отца. Истинно говорю вамъ, бдите!“...

И онъ заливался слезами. Слушатели благоговѣнно глядѣли на него.

В. ДМИТРИЕВА.